

В. В. РОЗАНОВ

Религиозные голоса в нашей смуте

Года 2—3, может быть, 4—5 назад среди московского студенчества выделилось несколько человек, горячо ищущих религиозной истины. Тут были математики, естественники, юристы; филологов почему-то, кажется, не было ни одного. Были уже и кончившие университет, и продолжавшие еще учиться. Среди коренных русских фамилий попадались немецкие и польские: но все они были православные, т. е. это были внуки и правнуки обрусевших немцев, поляков, литовцев. Они завязали связи с ректором и некоторыми профессорами Московской духовной академии; приезжали сюда, в Петербург, искать «советов», «разъяснений» и указаний у ректора здешней духовной академии, епископа Сергия (теперь епископ Финляндский), известного своим образованием, мягкостью и кротким христианским духом. Среди рядового студенчества они выделялись большею начитанностью, знанием иностранных языков; некоторые из них побывали за границею и в юго-славянских землях; некоторые же получили степень магистра такого-то «права» или такой-то «математики» (чистой или прикладной). Но удивительнее было то, что рассказывалось об их жизни: со всем фанатизмом молодости они кинулись на путь «буквального» исполнения евангельских заветов Спасителя и, как первые христиане, или подражая им (не думаю, чтобы «подражая»), — спали чуть не на досках, соблюдали посты или во всяком случае еду и питье сократили до наименьшего; женщин не касались, и вообще, так же старались по части «умерщвления плоти», как и пламенного проповедничества. Явление это среди учащихся не было для меня совершенно новым. В гимназии, в Нижнем Новгороде, я помню моего товарища Маринина, который, живя в бедной, но не очень бедной семье, спал не только на досках, но и подбивал доски гвоздиками — «подражая Хри-

сту»... Был чист душою, как дитя; тоже был начитан; и все старался исполнить «буквально». Замечательно это стремление у нас, русских, к «буквальности» — от старообрядцев до университета.

Двоих из этих молодых людей я видел и слышал в приезд их в Петербург год назад. И как и многие другие, я был очарован их словом, энтузиазмом, верой вот в эту «буквальность», будто все можно исполнить «по букве и до конца», «как сказал Христос». С историей они не считались. С действительностью не считались. Для них точно ничего и не было, никого и не рождалось между мучениками римских цирков и их собственной готовностью «хоть на муку». На мой старый возраст, однако, они подействовали талантом, но не подействовали убеждением: и я только улыбнулся на их разные «призывы». Передо мною точно воскрес мой добрый Маринин с его праведною душою, с его неопытностью. Помню, тот все улыбался и глаза светились радостью (восторгом?). Эти были старше, с бородами, угрюмее, грознее, печальнее. Видно было только, что и они страшно чисты душою и жизнью. «Как дело обернется: не вышло бы из нас печальной памяти Фотиев», — подумал я про себя.

Не в моем духе эта пугающая, грозящая, постыжающаяся религиозность. Не понимаю, какая *непременная* связь всего этого с Богом? Вспомнили бы эти юноши Христа, который «ел с мытарями и блудницами», в противоположность Иоанну Крестителю, который «питался акридами и диким медом в пустыне». Уж если настаивать на «буквальности», то я сказал бы молодым людям, что они идут «по пути Иоанна Крестителя», но «на путь Христа» даже не вступили: на тот «путь», где прежде всего развязаны узы «субботы», т. е. точности, формализма, внешности и господства формул, обрядности и закона. Словом, «братаясь с мытарями и блудницами», даже вероятно сам принадлежа к ним, я не был потрясен «пророческим видом» приезжих из Москвы. Но не могу скрыть, что на других они производили очень сильное впечатление. «Этот вид пророка» всегда обаятелен, и особенно когда он соединен с молодостью и окружен молодежью же, порывистой, самоотверженной, готовой к страдальчеству. И опять же мне приходилось слышать, что личное влияние этих молодых людей в Москве очень сильно. Между прочим они сильно действуют и на священников. Главное — «пост и молитва», и такое сочетание с математикой!..

Один из этого кружка, г. Вал. Свенцицкий, в недавней книжке «Полярной звезды» напечатал «Открытое обращение верующего к православной Церкви»:

«Я не могу молчать... Я жажду голоса Церкви, я исстрадался, не слыша его. И я, слабый в своем одиночестве, — ибо все мы без Церкви одиноки, — но веруя и исповедуя невидимую святую соборную и апостольскую Церковь, — теперь решаюсь воззвать к ее голосу».

Далее, в оправдание своей дерзости «воззвать», он говорит слова, пожалуй служащие интимным исповеданием не только его лично, но и всего этого кружка, который я охарактеризовал выше:

«Если вы веруете в Христа, и Церковь для вас — не мертвый звук, а живое тело Его, если вы не на словах, а всем существом своим поняли, что весь смысл жизни в том, чтобы облечься во Христа и облечь в Него мир, чтобы каждое дыхание наше свершалось во имя Его — “да будет Бог вся во всем”, — то вы», и т. д., «должны» то-то и то-то.

Подчеркнутые мною слова и есть *credo* энтузиаста, сколько я могу судить не по напечатанному «обращению» теперь, а по тому, что привелось изустно услышать от него в его приезд в Петербург.

Отвечу на этот пафос так: *самому* облечься во Христа — еще можно, да и то туда не уместится ни математика, ни юриспруденция, ни вообще университет. Ведь кружок молодых людей в сущности «разорвал с наукою», выйдя на религиозный путь: и что из того, что они не «ругают» науки, не «отрицают» ее? Они к ней *похолодели*, перестали ею *заниматься*; так что очевидно, если бы они, положим, не с университета, а еще с 3-го класса гимназии стали «облекать себя во Христа», то они вовсе и не попали бы в университет, в них не развилось бы самого любопытства к науке, заинтересованности ее вопросами: а в этом все и дело, *в заинтересованности, в пытливости умственной*. Где она — Христос как бы еще не рождался; а где Он родился — потухла наука; не буду спорить, может быть, потухла, как головешка перед солнцем, но во всяком случае «потухла», в этом все дело, и следовательно, призыв нового апостола «облечься во Христа, *да будет Бог вся во всем*» есть или риторика, чего я не хочу сказать — а во всяком случае неопытная юношеская фраза, которую более опытный ум может оттолкнуть в сторону с самым презрительным видом. Ведь в том и трагедия европейской истории или, пожалуй, трагедия самого христианства, что «мир не умещается во Христа», не по злу своему (не зло же наука?), но по разнице объемов. Чему нас и научает монастырь, откуда роковым образом и появились монастыри как искусственная и болезнетворная, страдальческая,

нудная попытка «усекнуть» человека и «отсечь» в нем многое натуральное и идеальное, хотя бы и доброе (наука), но, однако, никак не входящее в Христа и, следовательно, не могущее «облечься» в Него. Нужно и индивидуальному человеку родиться как-то не очень пылким, не очень любопытствующим, не быть очень счастливо поставленным в семье, чтобы лет в 17, минув науку, забавы, игры и любовь, свернуть одиноко и угрюмо на путь «пустынницы»? А как всему-то миру, целой цивилизации начать «усекаться», каковое «усекновение» составляет, к великому прискорбию, сущность «облекания во Христа», как об этом непоколебимо учит вся Церковь, все столпы ее, светильники, руководители и устроители. Таким образом, невозможна и неисполнима главная нотка московских энтузиастов, интимный их всех порыв. Просто он ложен, уродлив для мира, страдателен для него. И между тем они приходят, и в частности г. Свенцицкий «взывает к Церкви» во имя любви к человеку и миру: это другая половина их столь же несомненного пафоса. Отсюда, из необдуманности и несогласованности двух струн, двух нот, в душе их получается надломленность, какофония и прямая фальшь в их голосе. У человека сильного, искреннего и глубокого (каким я его видел) «призыв» прозвучал вяло и бессильно; на него, наверное, никто не ответит: но как «призывающий» очень верит в себя и в свое слово, то взамен ожидаемого и не получаемого «голоса церковного» я дам ему простой писательский ответ, из которого он увидит, до какой степени невозможна его позиция. И все, что именно с этой позиции он будет говорить, неизменно останется лишенным простоты, ясности и даже полного чистосердечия. Бывают такие положения...

